

9. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избр. раб. – М., 1977. – С. 11-42; 125-149.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967. – 372с.
11. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1969. – 33 с.
12. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X-XV вв.). – Новосибирск, 2001. – 226 с.
13. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. – М., 1895. – 34 с.
14. Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // ВЯ. – 1973. – № 2. – С. 21-34.
15. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). – М., 1902. – 50 с.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 5-е изд. – М., 1935. – 452 с.
17. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская. – М., 2003. – 720 с.
18. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
19. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. – М., 1968. – 551с.
20. Селиванов Г.А. Фразеология Новгородских договорных грамот XIII-XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1953. – 21 с.
21. Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в "Повести временных лет" // ТОДРЛ. – Т. 18. – М.; Л., 1962. – С. 277-284.
22. Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. – М., 1970. – 225 с.
23. Шулежкова С.Г. Состояние и перспективы развития исторической фразеологии // Русский язык: История и современное состояние / Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Дементьева. – Самара, 1999. – С. 73-77.
24. Янко-Триницкая Н.А. "Штучки-дрючки" устной речи // Русская речь. – 1968. – № 4. – С. 48-52.

УДК 81`42

Марина Вл. Пименова
(*Кемерово*)

МЕТОДИКА АНАЛИЗА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КЕМЕРОВСКОЙ ШКОЛЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

У статті розглядаються наукові підходи вивчення концептів, що сформувалися в Кемеровській школі когнітивної лінгвістики.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, концепт, методика концептуальних досліджень, структура концепту.

The article deals with scientific approaches exploring concepts that have emerged in the Kemerovo School of Cognitive Linguistics.

Key words: cognitive linguistics, concept, conceptual reserch methodology, structure concept.

В России первой докторской диссертацией, посвященной исследованию концептов, была диссертация М. Вл. Пименовой "Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия)" [2001], основные положения которой были изложены в монографии [9].

Методика изучения концептов в Кемеровской школе концептуальных исследований формировалась постепенно. Первоначально детальному изучению подвергались образные признаки концептов, то, что в зарубежной лингвистике именуется концептуальными

метафорами. Оказалось, что "за бортом" анализа остается часть языкового материала, которая постепенно вовлекалась в процесс описания.

Концептуальная структура формируется шестью классами признаков: мотивирующим признаком слова – репрезентанта концепта (иногда в словаре может быть указано несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова, когда первичный признак уже забыт и не воссоздается), образными признаками (выявляемыми через сочетаемостные свойства слова – репрезентанта концепта), понятийными признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова – репрезентанта концепта, а также синонимами, ценностными признаками (актуализируемыми как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом – репрезентантом концепта), функциональными признаками (отображающими функциональную значимость референта, скрывающегося за концептом), категориальными признаками (дименсиональными, качественными, количественными, ценностно-оценочными, пространственными и временными), символическими признаками – выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом – репрезентантом концепта, ироническими признаками (выражающими утрату ценностного компонента в структуре концепта, которая в концептуальной картине мира первоначально существовала; ср. концепт *тёща*). Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и взаимопереплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленил некий объект – реально или виртуально существующий – из общего фона подобных объектов, наделить его общими с другими и присущими только ему одному признаками [13, с. 17].

Исследование концептуальной структуры позволяет выявить более глубокие и существенные свойства референта. Такие свойства представляют обобщённые признаки предмета или явления, которые считаются самыми важными и необходимыми для их опознания. Референциальные признаки формируют структуру концепта. *Структура концепта* – это совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Изучение языка и отдельных его единиц способно приоткрыть тайны познания мира народом. "Общение людей есть не что иное, как обмен добытыми результатами теоретического и практического познания мира от самых элементарных единиц информации до универсальных законов, относящихся к природе мироздания" [8, с. 5]. Познание есть процесс образования или выявления признаков объектов мира, это процесс построения информации или упорядочивание знаний о мире.

Концепт и слово и сочетания слов, репрезентирующие концепт, образуют единство; их единство можно сравнить с образом айсберга. Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения слова выражают значимые, но не в полном объёме, концептуальные признаки. Концепт объёмнее лексического значения слова. Концептуальные признаки, объективированные в виде сем и семем, – это элементы далеко не полной структуры концепта, т. к. в эту структуру включаются и другие, не менее значимые, признаки. Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова. Остановимся подробнее на методике концептуального анализа. В качестве примера возьмем концепт *сердце*.

Концепты отличаются от лексического значения тем, что сохраняют свою структуру, не теряют включенные в эту структуру признаки на всём протяжении истории народа (ср. с явлением десемантизации слова). Структура концептов только пополняется за счёт появления дополнительных признаков. Такое пополнение зависит от развития материальной и духовной культуры народа. Так, например, *сердцем* в народе до сих пор называют "подложечку", "солнечное сплетение"; в научной парадигме *сердце* – это телесный орган, от которого зависит кровообращение; из-за развития науки и техники у концепта *сердце* в XX веке появился новый образный признак – 'мотор' (*сердце – пламенный мотор*), сам человек, тело и его части при этом представляются метафорами механизма (*сердце работает*;

отлаженная работа организма; сердце, как часы). Формы для выражения того или иного признака концепта могут устаревать, сами признаки не устаревают и не исчезают. Появляются новые формы для их языкового выражения. Слово хранит память о концептуме – внутренней форме.

Язык – хранилище народного, национального мировидения. В языке мир классифицируется по специфическим признакам. Признак концепта – это атом смысла; при возникновении слова первичным будет мотивирующий признак (в этом случае речь идёт о внутренней форме слова). По мере освоения в речи слово обростаёт дополнительными смыслами, что связано с интерпретацией и познанием нового. Далее появляются вторичные значения слова, для которых свойственно "овеществление" абстрактных смыслов: мотивирующий признак характеризуется приращением образных признаков, "примеривающихся" рождающийся концепт к уже существующим в сознании носителей языка. Эти образы в дальнейшем предполагают развитие понятийных признаков. Одновременно в структуре концепта появляются категориальные признаки и признаки природного и предметного миров.

Выявление структуры концепта возможно через наблюдения за сочетаемостью соответствующих языковых знаков. Концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт – лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, свойственные определённому языку. Существенную помощь окажут также и авторские контексты, т.к. писатели и поэты используют языковой фонд, варьируя формы для выражения того или иного признака концепта, при этом, однако, они редко создают новые признаки.

Так, например, у концепта сердце в его структуру входит витальный признак 'сон'. В русском языке существует выражение, прямо вербализующее этот признак – сон сердца. Авторы могут использовать его почти дословно в разных контекстах (И сердца трепетные сны. Пушкин. Евгений Онегин; Опять ты сердцу посылаешь Успокоительные сны... Некрасов. Тишина; Сердца сон, кремешный, как могила! Клюев). При этом встречаются разные варианты объективации конкретного признака у одного и того же автора (Смеется сердца забытью И с тьмой сливает мановеньем Мечту блестящую свою. Баратынский. Бал; Где сердца ветреные сны И мысли праздные стремленья Разумно мной усыплены... Баратынский. Князю Петру Андреевичу Вяземскому; И сердца пламенные сны! Баратынский. Две доли). Сон может осознаваться как некое физическое качество (сонное сердце). Сны сердца интерпретируются как некое физическое или ментальное состояние, выражающееся в соответствующих глагольных предикатах (Уймись, волнения страсти! Засни, безнадежное сердце! Кукольник. Сомнение; Милая, мне скоро стукнет тридцать, И земля милей мне с каждым днём. Оттого и сердцу стало сниться, Что горю я розовым огнём. Есенин. Видно, так заведено навеки...; Сердце, хоть ты бы заснуло Здесь на коленях у милой. Есенин. Глупое сердце, не бейся...; Но сердце снова тихим сном В минувшем любит забываться. Пушкин. Нет, нет, напрасны ваши пени...; Та жизнь прошла, И сердце спит, Утомлено. Блок. Та жизнь прошла...; Где б ни скитался я, так нежно снятся сердцу Мои родные васильки. Бальмонт. Где б я ни странствовал; Сердцу снится душистый горошек, И звенит голубая звезда. Есенин. Ах, как много на свете кошек...; Край любимый! Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных. Есенин. Край любимый! Сердцу снятся...).

Структура концепта может расширяться за счёт авторских инноваций. В английский язык вошел фразеологизм *to wear one's heart upon one's sleeve*. При дословной передаче образность этого выражения совершенно непонятна носителям русского языка ("носить сердце на рукаве"). Мотивировка соотносится с исторической реалией – существовал рыцарский обычай носить на рукаве своей одежды цвета своей дамы. У. Шекспир вкладывает это выражение в уста Яго (он говорит "Я буду носить сердце на рукаве на расклевание галкам" в значении "если бы я ходил с душой нараспашку, меня заклевал бы любой

глупец"), презиравшего открытых и откровенных людей, умевшего скрывать свои чувства. Шекспировский фразеологизм употребляли в своих произведениях многие авторы, сохраняя или переосмысляя его первоначальную форму и значение (ср.: 'I've had something up my sleeve'. Christie. The Mystery of King's Abbot).

Исследование концепта происходит в несколько этапов. Первый этап – анализ мотивирующего признака (мотивирующих признаков), т. е. внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. В случае нескольких репрезентантов выделенные мотивирующие признаки сравниваются между собой. Второй этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы: исследование концептуальных метафор и метонимии. Третий этап – выявление понятийных признаков концепта путем описания лексического значения слова-репрезентанта концепта посредством определения его семантических компонентов (здесь уместно говорить о компонентах значения, или семах / семемах), описание синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. Четвёртый этап – изучение категориальных признаков. Пятый этап – изучение символических признаков концепта. Возможны шестой (изучение стереотипов и / или иронических признаков) и седьмой этап – исследование сценария. Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и / или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено причинами, послужившими его появлению [12, с. 58–120].

Как появляется концепт и как развивается его структура во времени? Ядром будущего концепта, который в дальнейшем обрстет новыми признаками, служит мотивирующий признак, положенный в основу номинации. Как пишет О. М. Фрейденберг, "первобытное мышление не знает отвлеченных понятий. Оно основано на мифологических образах" [20, с. 19]. Первоначальное развитие концептуальной структуры предполагает развитие образов на основе внутренней формы слова – репрезентанта концепта, т. е. образные признаки концепта – следующий этап переосмысления мотивирующего признака. Затем параллельно развиваются абстрактные понятийные признаки и оценка, при этом оценка может исторически меняться на крайне противоположную, как это произошло с концептом *мечта* в русском языке. Рассмотрим структуру на примере концепта *сердце*.

Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именованного некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова. В зависимости от времени появления слова в языке у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков. Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом. "Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. ... Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, т. е. представление" [15, с. 100]. Новое слово появляется в языке на основе признака, уже зафиксированного в ранее существовавшем слове – концептуме (в терминологии В. В. Колесова). Мотивирующие признаки не исчезают, они функционируют в виде стертых метафор, переходя иногда в понятийные признаки (т. е. сохраняют прежнюю актуальность), их влияние заметно в развитии многих признаков, входящих в разные группы структуры концепта.

Середина и *сердце* – однокоренные слова. Внутренняя форма слова *сердце* связана с признаком того, что находится внутри тела, в самой его сердцевине. Этот признак подтверждается данными из других языков. Так, *сердце* в верхнелужицком языке *wutroba* (ср. в рус.: *утроба*), греч. *cardia* ("сердце" и "середина"), др.-ирл. *críde* при новоирл. *croithe* "середина", "сердце". Индоевропейский корень *k'rd-; ср. лит. *sirdis*, латыш. *sirds*; к этому корню восходят латин. *cor*, гот. *hairto*, др.-в.-нем. *herza* (совр. нем. *herz*), англ. *heart*, арм. *sirt*. Во многих языках лексема *сердце* имеет сходное звучание; ср.: укр. *сердце*, блр. *сэрца*, болг. *сърце*, с.-хорв. *srce*, словен. *srce*, чеш. *srdce*, словац. *srdce* (ср. рус. разг. *серёдка*: *сесть в серёдку* "сесть посередине, между кем-либо", *быть в серёдке*). Старославянский – *срьдьце*, общеславянский – *сърдьсе, корень *sъrd. Этимология слова *сердце* связывается с понятием

середины, сердцевины, глубины. Мотивирующий признак развился до символического. Глубина – символ тайного, нераскрытого, непознанного, непроявленного. Иное название глубины – бездна, символика которой дополняется значениями, развивающими символику Великой Богини-матери: любовью, жизнью, творением-рождением. Великую тайну составляют душа и *сердце* человека – та тайна, постижение которой составляет подлинный смысл жизни. В глубине человеческой природы сокрыт "потенный сердца человек". Глубина есть цель устремлений познания мира. Сакральное значение глубины – центр, сосредоточение всех истин, абсолютная ценность, подлинная красота, высочайшая степень проявления скрытых качеств и возможностей.

Образные концептуальные признаки – первичный этап осмысления внутренней формы слова. Для исследователя интересна история появления тех или иных образных концептуальных признаков. О. М. Фрейденберг [20, с. 20] замечает, что до понятийного мышления причинность не осознавалась. Мышление носило пространственный, конкретный характер; каждая вещь воспринималась чувственно, и образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязаемо. Огромное значение имела слитность субъекта и объекта. Все предметы представлялись тождественными. Со временем характер мышления народа меняется, и причинно-следственные связи становятся основным способом переноса признаков разных понятий. Об образных признаках концепта *сердце* подробнее см.: [13].

Под *понятийными* понимаются *признаки* концепта, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем/ семем) слова – репрезентанта концепта. Для анализа понятийных признаков привлекаются данные не только словарей современных языков, но и данные исторических словарей и словарей диалектов. Понятийные признаки концептов могут быть выявлены на основе анализа синонимов слов – репрезентантов концептов. Признаки, отмечаемые в толковых одноязычных словарях, представляют собой далеко не полный перечень понятийных признаков.

Научная и наивная картины мира могут в своих моделях чрезвычайно отличаться друг от друга. Расхождение это вызвано развитием науки в обществе. В языке фиксируются не только новые знания, но и знания, когда-то существовавшие у носителей языка. Язык хранит в себе первичные знания о природе, человеке и его месте в этом мире. Первичные знания фиксируются в языке в виде архаичных признаков концептов.

Архаичными понятийными называются признаки концептов, зафиксированные в исторических и историко-этимологических словарях конкретных языков, но не отмеченные в словарях современных языков, а также признаки, диктуемые языковым материалом, но отсутствующие в словарях. *Архаичные признаки* выражают наивные, обыденные представления народа на природу и человека, которые не утрачены языком, но уже не осознаются носителями современного языка. Архаичные признаки возможны только у тех концептов, история репрезентантов которых достаточно древняя.

Одним из редко употребляемых признаков, сохранившихся только в народной речи, является признак 'желудок' у концепта *сердце*: *засосет в сердце* (ср.: засосёт в желудке). В Остромировом Евангелии зафиксирован пример объективации этого признака: *Отъиде сердце твое и пиши и печальми житиискими* (Лук. XXI. 34). В "Словаре русских народных говоров" [2003, с. 190] это значение зафиксировано: "сердце. 2. желудок. "Сердцем крестьяне называют желудок. Когда они говорят, что сердце болит, это значит, что у них давит под ложечкой" ... Под сердце подкатывает. а) О катаре желудка. б) О желудочной боли. Сердце давит. Об ощущении тяжести, давления в желудке. Сердце давит, задавило, сосет. Хочется, захотелось есть".

Архаичные признаки *сердца* функционируют до сих пор в измененном виде. Начиная с эпохи Возрождения *сердце*, пронзенное стрелой Амура, стало символом любви земной. Этот символ сопровождается девизом "Все побеждает Любовь". В католической традиции эта эмблема связана с днем святого Валентина (покровителя всех влюбленных). Метафора *свинца на сердце* относит к крылатому греческому богу Эросу, у которого было два типа

чудесных стрел: золотые стрелы, попадая в *сердце*, несли мощный заряд любви, свинцовые стрелы гасили страсть в сердце.

В словарях русского языка не отмечено значение у лексемы *сердце*, известное тем, кто пользуется игральными картами. В английском одна из мастей игральных карт именуется *hearts*, в русском называемых *черви* / *червы* или *червонная масть*, обозначенная при помощи символического изображения одного или нескольких сердец. В народных говорах отмечены значения у слов *сердце* и *сердцовки*, которые метонимически связаны с тем, что соответствующая масть с изображением *сердца* на картах именуется *черви* (*червы*): "*сердца́*. мн. Дождевые черви" [СРНГ 2004, с. 194], "*сердцовки*. мн. Дождевые черви" [там же: 195]. Название масти игральных карт восходит к древнерусскому глаголу *чървити* со значением "красить в красный цвет" [19, с. 334], ср. латинское слово *vermiculus* "красный", образованное от *vermiculus* "червячок, кошениль, из которой добывали пурпурную краску".

Ценностно-оценочные признаки отображают ценностную картину мира этноса в двух вариантах – образном (через признаки ценности, имущества, богатства) и оценочном (через аксиологические признаки). Так, например, первоначально рана, кровь *сердца* были связаны с идеей жертвоприношения: "Плата кровью за освоение новых пространств бытия и обретение новых ступеней свободы выступает как атрибут существования людей на всем протяжении истории" [1, с. 91]. *Сердце* и кровь – символы жизни: жизнь была платой за новые пространства в битвах (*заплатить своей кровью; ценой чьей крови*).

Символическими называются такие *признаки*, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегии или культурного знака. Миф сохраняет ранее распространенное в народе представление о мироустройстве. В процессе развития народа мифы утрачиваются, но их возможно восстановить, анализируя стертые метафоры. "Религиозные ритуалы – это типичный пример деятельности, в основе которой лежат метафоры. Метафорика религиозных ритуалов обычно включает метонимию: объекты реального мира замещают сущности в соответствии некоторому аспекту реальности так, как это понимается в религии" [Лакофф, Джонсон 2004, с. 250].

Символы культуры, запечатленные в концептуальных структурах, многообразны и многоаспектны. Так, *сердце* издавна символизировало душу. Душа есть символ жизни, источник жизненных сил. Эти признаки наблюдаются и у *сердца*: *сердце* есть средоточие жизни, сосуд, содержащий в себе жизненные соки – кровь. *Сердце* воспринимается какместилище души и как ее заместитель. И *сердце*, и душа соотносятся не только с эмоциональной сферой жизни человека, но и его интеллектуальной сферой (ср.: *It ... confirming her most unfavourable opinion of his head and heart*. J. Austin. *Sense and Sensibility*). "Многие древние культуры не делали различия между чувствами и мыслями. Человек, который "позволяет сердцу управлять головой", считался скорее разумным, чем глупым" [Тресиддер 1999, с. 330]. В Библии сердцу свойственны все функции сознания: мышление, волеизъявление, ощущение, эмоции, совесть; сердце выступает центром, средоточием жизни. *Сердце* символично представляет "внутреннего человека", т. е. божественную составляющую человека единого – внешнего и духовного.

В символической картине мира русского и английского народов отобразилась теоцентрическая модель мира: бог – центр мира "большого" и "малого" – Макрокосмоса и Микрокосмоса. Середина, центр мира при этом – земля или солнце, центр тела – сердце. Другими словами, модель мира представляла собой круг с центральной точкой посередине. Круг считался символом совершенства, а модель круга (сферы) с обозначенной центральной точкой служила образом Бога и мира (круг с точкой посередине является древним астрологическим и астрономическим символом солнца).

Символическое отождествление сердца с Богом не случайно. Многие религии мира сходятся во мнении, что *сердце* – место Бога, сам Бог или его часть: "В буддизме сердце – суть природы Будды. ... В китайском буддизме сердце является одним из восьми Драгоценных Органов Будды. ... В индуизме сердце – божественный центр, место обитания

Брахмы: это Брахма, это все, Атман" [Словарь символов: Интернет-ресурс]. Согласно Библии, человек был создан из праха земного – глины. При этом в *сердце* хранится искра Божья – часть Бога. Бог скрывается в теле, в сердце, как в бесформенном коме глины (*Well, this cold clay clod Was man's heart: Crumble it, and what comes next? Is it God?* Browning. Love in a life).

Язык аккумулирует в своей системе знаков те знания, которые предшествовали научному познанию. Как пишет В. П. Владимирцев, ""народно-поэтическая кардиология" как прототип и аналог кардиологии научной – это целая система взаимообусловленных "первичных" представлений о сердце и их выражений в обряде, тексте, слове, "знаке", образе" [6, с. 204]. Глубина *сердца* в народном восприятии есть скрытая для осознания настоящая, истинная личность, сокровенное "я", раскрыть которое призывали древнеиндийские, древнеегипетские и древнегреческие мудрецы: "Познай самого себя, и ты познаешь весь мир". Весь мир в человеке, и человек есть целый мир – афоризм, повторяющийся у многих философов. Г. В. Лейбниц утверждал, что в самом себе человек должен увидеть целый "мир, полный бесконечности".

Концептуальные признаки связаны, с одной стороны, с символическими традициями в национальной культуре, с другой – с продолжающимся осмыслением мотивирующих признаков слова – репрезентанта концепта. У концепта *сердце* отмечены признаки Слова, Логоса. Концептуальные признаки слова-*сердца* определяются мотивирующим признаком 'середина' и ассоциативными связями между понятиями звука, слова, Бога и гармонии, которые наблюдаются у *сердца*. Слово "в мистической традиции – символ божественной власти. Индуистское представление о том, что вибрация священного первородного звука сделала задуманный мир явным, встречается во многих традициях" [Тресиддер 1999, с. 341]. В Библии сказано, что мир был создан словом Божиим, в Евангелии от Иоанна встречаем такое утверждение: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков" (Ин. 1: 1–4). Иоанн говорил о Слове жизни, о предвечном Логосе, Втором Лице Троицы: "И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца" (Ин. 1: 5,7). Логос – образ слова-мысли, выступающего в качестве творящего и упорядочивающего принципа мироздания. *Сердце*-слово есть тайна (*высказывать все тайны сердца*). Филон Александрийский учил, что Логос – это посредник между Богом и космосом, одновременно созидаящая сила, именно через Логос человеческий разум способен понять и постичь Бога. "Логос неразрывно сопряжен с идеей центра" [1, с. 103], т. е. *сердца*.

Многие религиозные системы содержат в себе идею искупительной жертвы. Приобретаемые при жертвоприношении или самопожертвовании духовная энергия, чудесные способности равнозначны утраченному – принесенному в жертву или перенесенному негативному опыту. Языковые картины мира хранят в виде стертых метафор архаичные черты древних обрядов и ритуалов. Эти отголоски забытых традиций можно проследить, наблюдая за устойчивой, сохранившей доныне свою производность, метафорой "сердце – жертва".

Отголоски былых верований и мифов мы находим в непонятных современному носителю языка признаках концептов. Так, например, отзвуки древних взглядов на мир указывают на существовавшие ритуалы жертвоприношения, в том числе относящиеся к *сердцам* животным. В русском языке сохранились признаки жертвы злаковой – *сердца* из теста, хлеба, – замененной кровавой жертвы. Как пишет Дж. Фрэнгер, "К другому празднику мексиканцы вылепливали статуэтку в виде людей, которые ... лепили из теста, приготовленного из семян разных сортов... Им поклонялись, поставив в молельне каждого дома. ... На рассвете жрецы пронзали эти изображения веретенами, отрубали им головы, вырывали сердце и приносили их хозяину дома на блюде. После этого их съедали домочадцы" [21, с. 460]. В мифологиях разных народов замена кровавой жертвы на жертву злаковую (так называемый "дух хлеба") сохранились отголоски ритуальных жертвоприношений. "В число

животных, облик которых якобы принимает дух хлеба, входят волк, собака, заяц, лиса, петух, гусь, перепел, кошка, козел, корова (вол), свинья и лошадь" [21, с. 418].

Как указывает Э. Бенвенист, "жертвоприношения бывают разной природы и носят разные названия в зависимости от того, заключаются ли они в предметах или в молитвах. Поскольку сама молитва есть жертвоприношение, она действует собственной силой; в виде жестко фиксированных формул, сопровождающих ритуал, – она устанавливает отношения между человеком и божеством при посредстве царя или жреца" [2, с. 368]. Ф. И. Буслаев писал, что у глагола *молить* "в областном наречии вятском" отмечено значение "колоть, резать", что "молить в значении приносить жертву, давать обет употребляется в древнейших рукописях Ветхого Завета. ... Потому-то к глаголу *молить* и приставляется возвратное местоимение *ся*, которое теперь здесь ничего не значит, но первоначально имело смысл, т. е. приносить себя в жертву, а не умолять или просить себя. Отсюда же явствует, почему *молиться* употребляется с дательным падежом, т. е. приносить себя в жертву кому. ... О самоубийце доселе говорится намеком на языческую жертву: "вот це и чорту баран"" [5, с. 80–81]. Первоначально принесение в жертву себя соотносилось с мифами, в которых выражались космогонические представления (тело великана Имира послужило основой создания мира и Вселенной). В христианстве Бог воплотился в своем Сыне – Иисусе, в Библии именуемом Логосом, т.е. молитва – словесное (в речи или в мысли) обращение к Богу – есть повторение акта творения, когда пожелание человека, выраженное в его молитве, исполняется. Бог всемогущ, в его силах исполнить любое пожелание: "Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено" (Иов, 42: 568).

В русском устном народном творчестве встречается несколько устойчивых формул, в которых так или иначе описываются действия с сердцем и другими сакральными телесными органами: "вынимать сердце со печенью", "вырвать / вынимать ретиво сердце", "досмотреть / посмотреть ретиво сердце": Ты пори у него груди белья, Вынимай у него ретиво сердце, Ретиво сердце и со печенью! (былина "Илья Муромец на Соколе-корабле"), Тут хватал-то Алеша саблю вострую, Срубил-то Идолицу буйну голову, Распорол-то его белу грудь, Вынимал-то тут ретиво сердце, Поставил буйну голову на остро копьё, Натыкал его сердце на кинжалище, И поехал назад (в) стольный Киев-град (былина "Алеша Попович и Тугарин Змеевич"), Уж я вырву ретиво серцьё со печенью (былина "Иван Годинович"), Выдергивал кинжалище острое, Спорол у нее белую грудь Посмотрел во утробе чадо милое (былина "Дунай"), Неси ты мне ножище-кинжалище, Распорю я у Кошеля груди черные, Посмотрю я сердце богатырское (былина "Иван Годинович"). При действии изъятия сердца и печени "в славянских традициях мотивировки, как правило, отсутствуют, а это определенно означает, что на славянской почве практика давно исчезла из бытования", "за этими описаниями несомненно скрывались представления о значимости сердца и печени" [18, с. 24]. Однако в некоторых родственных культурах такая мотивированность может быть обозначена: "Южнославянская вештица поедает человеческие сердца; дотрагиваясь чудесной палочкой до груди спящего человека, она вынимает его сердце и съедает, после чего тело на груди срастается; человек без сердца в будущем обязательно умрет" [4, с. 369]. Ср. в англ.: ...*And in ten minutes from the time of firing the animal's heart and liver were lying smoking before us.* Haggard. King Solomon's mines; *So we took the heart and liver and buried them for a few minutes in a patch of snow to cool them off.* Haggard. King Solomon's mines; *'Or I'll have your heart and liver out.'* Dickens. Great expectations; ...*Or you go from my words in any partickler, no matter how small it is, and your heart and your liver shall be tore out, roasted and ate.* Dickens. Great expectations. Сердце и печень объединяет символ крови; кровь есть локус души и жизненных сил [11]. Для крови характерно взаимодействие с огнем и солнцем. Кровь издревле была связана с жертвоприношением. Различные жидкости: молоко, мед, вино, – используемые в ритуалах жертвоприношения, олицетворяют кровь.

Жертвоприношение *сердца* является одним из способов общения с Богом: *сердце* – это Бог или место Бога в теле человека. Вынув *сердце*, человек зрит Бога в нем. *Сердце* в таком случае выступает в качестве посредника между земным миром и божественным. Эта

аллегория для современного носителя языка ранее воспринималась буквально. Общение с миром богов грозило человеку его уничтожением. А так как взамен погибает жертвенный объект, тот, кто приносит жертву, может не опасаться за собственную жизнь.

Другая сторона такого жертвоприношения отражала представление о единстве жизни и смерти: жизнь переходит в смерть, и наоборот. *Сердце* как заместитель души или ее место – *сердце* – есть источник жизни в теле человека; исторгнув этот источник, жрец лишал человека жизни в этом мире, отсылая его душу в мир иной. Принесение в жертву *сердца* означало конец смертного существования и начало жизни вечной. Жизнь воспринималась как бесконечное повторения ритма рождения, смерти и возрождения. В некоторых мифологических традициях земная жизнь понималась как лишенная ценности, ложная, неистинная, иллюзорная.

В некоторых культурах соком *сердца*, его жизненной силой – кровью – питывалось солнце – Бог. Жертвоприношение обеспечивает циркуляцию жизненной силы – энергии – в космосе: от божества к природе и ее части – человеку, от человека – посредством принесения жертвы – вновь к божеству.

Общепринятым и не вызывающим сомнений утверждением является то, что язык отражает особенности проживания народа (климат, ландшафт, быт и пр.). В сознании современного человека сталкиваются две различные исторические традиции. Первая отражает ценности, идеалы и представления людей, сложившиеся как формы исторического опыта бытия в мире и образующие ядро сознания человека, т. к. именно это ядро и есть концептуальная картина мира, которую человек осваивает с языком. Другая историческая традиция обусловлена системой научного знания, которая не появилась одномоментно, а развивалась в течение всего периода становления народа. Система научного знания осваивается сознательно, именно это знание человеку дается со школьной скамьи, а концептуальная система скрывается в недрах языка, познается стихийно, неосознанно, ее усвоение происходит с момента рождения. Человек, не задумываясь, употребляет те или иные формы языка, потому что так принято. Редко кто из носителей языка задумывается, почему кровь называется *рудой*, насекомое с красными крыльями – *божьей коровкой*, а *сердце* имеет эпитет *ретивое*. Многие слова языка восходят к утраченному мифу, скрытому символу.

Исследование развития концептуальных структур в диахронии и в сопоставительном аспекте – перспективы особых направлений когнитивной лингвистики. Сложность таких исследований заключается в том, что многие концептуальные признаки в древних текстах отсутствуют, что связано со спецификой их функционирования. Воссоздать структуры концептов возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчик В.В. Словарь символов и знаков [Текст] / В.В. Адамчик. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2006. – 240 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс–Универс, 1995. – 456 с.
3. Бердяев Н.А. Человек. Микрокосм и макрокосм [Текст] / Н.А. Бердяев // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 171-175.
4. Берегова О. Символы славян [Текст] / О. Берегова. – СПб.: Диля, 2007. – 432 с.
5. Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М.: РОССПЕН, 2006. – 704 с.
6. Владимирцев В.П. К типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии [Текст] / В.П. Владимирцев // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 204-211.
7. Колесов В.В. Язык и ментальность [Текст] / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 237 с.

8. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте [Текст] / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 5-31.
9. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: [монография] [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика". Вып. 5).
10. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук / Марина Владимировна Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
11. Пименова М. В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации: [монография] [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК "Графика", 2004. – 386 с. (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 3).
12. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира [Текст] / М. В. Пименова // Мир человека и мир языка: коллективная монография. – Кемерово, ИПК "Графика", 2003. – С. 58-120 (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 2).
13. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: [монография] [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 9).
14. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов: словарь / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14-16.
15. Потебня А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 190 с.
16. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. [Текст]; сост. Л.Г. Панин.– Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. – С. 141.
17. Словарь символов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/778>
18. Смирнов Ю.И. Сердце и печень врага [Текст] / Ю.И. Смирнов // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 4-25.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. [Текст] / М. Фасмер; изд-е 2-е, стереотип. – М.: Прогресс, 1987.
20. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности [Текст] / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с. (Серия "Исследования по фольклору и мифологии Востока").
21. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь [Текст] / Дж. Фрэйзер. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – 703 с.

УДК 811.161.1

Ирина Синица
(Киев)**ИНОФОН КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ**

Стаття присвячена аналізу теорії мовної особистості з погляду антропоцентричної парадигми у лінгвістиці, вивченню особливостей її інтерпретацій у вивченні іноземних мов, зокрема дискутується питання про вторинну мовну особистість.

Ключові слова: мовна особистість, лінгвоперсоналогія, іноземна мова.

In this paper the author considers the theory of langual personality as a realization of anthropocentric paradigm of linguistics, studies its transformation in terms of learning foreign languages, discusses the question of the secondary langual personality.

Key words: langual personality, foreign language.

Антропоцентризм сучасної лінгвістики в цілому обумовлене перш за все центральною позицією людини в усіх напрямках її досліджень: граматиці, стилістиці, лінгвістиці тексту, дискурсивній лінгвістиці і др.

Личність стала одним з центральних, достатньо глибоко і всебічно вивчених понять в циклі гуманітарних дисциплін: психології, філософії, соціології і др.